12+

Алексей Артурович Якименко

V-Виктор

Алексей Якименко
V-Виктор

https://litres.ru/74958642
ISBN 9785007175135

Аннотация

Краткий рассказ про длинную жизнь выдающегося и неординарного человека, который оставил след в сердцах людей и незабвенный отпечаток в жизни людей своей эпохи.

V-Виктор

Алексей Артурович Якименко

© Алексей Артурович Якименко, 2026

ISBN 978-5-0071-7513-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. «ВЫСОКИЙ»

Глава 1. Хутор Высокий. Март 1942-го

Война не выбирала мест для рождения. Она шла по земле, как идут грозовые тучи, — тяжело, неотвратимо, оставляя за собой выжженные поля, осиротевшие колодцы и тишину, которая звенела в ушах громче любых взрывов.

Двенадцатого марта тысяча девятьсот сорок второго года на украинском хуторе Высокий, затерянном среди бескрайних харьковских полей, родился мальчик. Назвали Виктором. Победителем.

Родился он не в белых стенах родильного дома, не под светом больничных ламп, а в старой глиняной хате, где пахло сушёными травами, сырой землёй и воском. За окнами — ранняя весна, слякоть, мокрый ветер, что трепал потемнев-

шую солому на крышах. Где-то далеко, но слишком близко, чтобы спать спокойно, ворчала война — глухо, утробно, как раненый зверь.

Мать прижимала свёрток к груди и плакала — тихо, беззвучно, одними губами. Слёзы катились по щекам и падали на грубую ткань. То ли от счастья, то ли от страха. А скорее — от того и другого сразу. Потому что счастье в те дни было неотделимо от страха, как тень неотделима от человека.

Хутор Высокий был совсем маленьким — несколько дворов, колодец с ледяной водой, пыльная дорога, что весной превращалась в реку грязи. Люди здесь жили просто и честно: пахали землю, держали скотину, берегли хлеб, молились Богу и ждали вестей с фронта. Каждый вечер всматривались в даль — не покажется ли на горизонте почтальон. И каждый раз, когда он проходил мимо, сердце у всех падало вниз.

Мальчик рос тихим. Будто с самого рождения понимал: шуметь нельзя. Война не любит громких. Вокруг говорили шёпотом, прятали еду в ямы, вздрагивали от каждого стука. И маленький Витя смотрел на мир широко раскрытыми глазами, но плакал редко. Словно знал — слёзы надо беречь. Их и так вокруг было слишком много.

Он рос среди тишины и тревоги. Среди женщин в чёрных платках, среди стариков с сухими, как осенние листья, лицами. Мужчин почти не было — они ушли туда, где стреляли. Остались только голоса по радио, серые сводки, да редкие письма-треугольники, которые жгли руки.

Воспоминания о родителях остались у него смутными, как старая фотография, что долго пролежала на солнце. Мать — тёплые руки, тихая колыбельная, запах парного молока. Отец — жёсткая ладонь, колючая щека, запах табака и металла. А потом — пустота. Такая глубокая, что в ней не было ни звука, ни образа. Война забрала их. Или не война, а то, что приходит следом за ней: голод, болезни, безысходность. Детская память не сохранила подробностей. Только ощущение — однажды он остался один.

Говорят, сиротство — это когда некому задать вопрос. Когда ты стоишь посреди двора, а вокруг — только ветер. И ветер этот не отвечает.

Так начиналась жизнь Виктора Фёдоровича Якименко.

Человека, который ещё не знал, что станет лётчиком. Что будет подниматься в небо и видеть землю с высоты, на которой уже не слышно ни плача, ни выстрелов. Что встретит женщину, с которой проживёт шестьдесят лет. Что будет служить Родине в двух великих армиях — советской и российской. Что переедет в древний Торжок и пустит там корни. Что вырастит сына, дождётся внуков, а потом создаст театр и заставит замолчать ту самую стеснительность, которая однажды сломает ему судьбу — а спустя полвека вернёт её обратно.

Но всё это будет потом.

А пока — март. Холод. Хата на краю хутора. Тёмное небо над тёмной землёй. И младенец, который спит, не знаю, что

его имя уже написано в какой-то невидимой книге.

И эта книга — перед нами.

Глава 2. Детский дом

Как он попал в детский дом, Виктор Фёдорович потом и сам не мог толком объяснить. Не потому, что не помнил, — а потому, что в памяти остались лишь обрывки, как клочки писем, разорванных и развеянных по ветру. Память ребёнка устроена странно: она не сохраняет последовательности, не выстраивает событий в линию, но зато навсегда впечатывает запахи, звуки, прикосновения, свет. И именно они остались с ним на всю жизнь.

Он помнил руки матери. Тёплые, сухие, чуть шершавые. Они пахли тестом и парным молоком. Помнил, как она наклонялась над ним, и тёмные волосы щекотали ему щёку. Помнил тихую колыбельную, от которой в груди становилось легко и сладко, будто весь мир укачивался вместе с ним.

Помнил отца. Тот был высокий, с жёсткой щетиной, от которой пахло табаком и железом. Когда он брал Витю на руки, мальчику казалось, что он поднимается куда-то высоко-высоко, к самым балкам потолка. Отец был сильным — или казался таким. В его присутствии тревога отступала.

А потом всё исчезло.

Не вдруг, нет. Сначала стало тише. В доме перестали смеяться. Мать больше не пела по вечерам. Отец всё реже появлялся на пороге, а когда появлялся — был молчалив, смотрел куда-то мимо, будто видел то, чего не видели другие. По-

том и он перестал приходить.

Витя ещё долго ждал его по вечерам. Сидел у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и всматривался в дорогу. Но дорога была пуста.

Голод пришёл не сразу. Сначала было просто меньше еды — каша жиже, хлеб тоньше. Потом наступили дни, когда и это казалось роскошью. Мать отдавала ему последний кусок, а сама пила кипяток, делая вид, что не хочет есть. Витя не понимал тогда, что она угасает у него на глазах. Что её лицо становится прозрачным, как осенний лист, что под глазами залегли тёмные тени, что голос сделался тихим, как шёпот. Он просто чувствовал: что-то уходит. Что-то очень важное уходит, и этого не остановить.

Однажды утром мать не встала.

В хату пришли чужие женщины. Они говорили шёпотом, кутались в платки, вздыхали. Одна из них, старая, с сухими, как у иконы, глазами, взяла Витю за руку и вывела во двор. Небо было серым, низким, тяжёлым. Пахло мокрой землёй и дымом. Мальчик стоял посреди двора и смотрел на хату, из которой выносили что-то длинное, завёрнутое в серую ткань. Он не плакал. Просто смотрел. И в груди у него поселилась тишина, которая потом долго не проходила.

Потом его везли на телеге.

Он лежал на соломе, укрытый колючим тулупом, и смотрел, как проплывает мимо небо. Дорога была разбитой, телега тряслась, колёса чавкали по грязи. Витю укачивало, но

он не спал. Он вглядывался в серые поля, в мокрые деревья, в редкие фигуры людей, идущих по обочине, и пытался понять, куда его везут. Но спросить было некого. Чужая женщина правила лошадью и молчала.

Так он оказался в детском доме.

Это было длинное двухэтажное здание из красного кирпича, стоявшее на окраине какого-то посёлка. Окна смотрели на мир с укоризной, как смотрят старики, повидавшие слишком много. Крыльцо осело, ступени были стёрты тысячами детских ног. Внутри пахло казённым мылом, пустыми щами, мокрыми валенками и ещё чем-то неуловимым, что Витя потом, уже взрослым, распознал как запах общей беды.

Воспитательница, сухая женщина с пучком седых волос на затылке, оглядела его с ног до головы, что-то записала в тетрадь и велела идти мыть руки. Голос у неё был ровный, без злобы, но и без тепла. Витя пошёл по коридору, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле.

Дети спали в общих комнатах. Ряды железных кроватей, серые одеяла, подушки, пахнущие сыростью. У каждого было по тумбочке, но класть туда было нечего. Жили все на виду — общая умывалка, общий стол, общий строй. И общая тоска, которую никто не называл вслух.

По ночам было тяжелее всего. Когда гасили свет, комната наполнялась звуками: кто-то ворочался, кто-то тихонько плакал, уткнувшись в подушку, чтобы не разбудить остальных, кто-то скрипел зубами во сне. Витя лежал с открытыми

глазами и смотрел в потолок, на котором дрожали тени от керосиновой лампы в коридоре. Он не плакал. Он будто разучился. Слёзы остались где-то там, в хате на краю хутора, вместе с маминой колыбельной.

Детдомовское детство — особая наука. Там быстро понимаешь, что на всех — одни валенки, одно пальто, одна каша. Что если не успел занять место у печки — будешь мёрзнуть. Что если отвернулся — у тебя из миски могут выхватить кусок хлеба. Там учатся не дружить, а выживать. И выживать — молча.

Витя выживал тихо. Он не лез вперёд, не отталкивал других, не скандалил из-за лишней порции. Стоял в сторонке и смотрел. Наверное, именно тогда в нём впервые проступила та самая стеснительность, которая позже изменит всю его жизнь. Она была не врождённой, не капризом, а защитой. Как раковина у моллюска. Как тишина у насторожённого зверька. Он будто решил для себя: если быть маленьким и незаметным, то, может быть, жизнь не ударит снова.

Но при всём при том в нём жила какая-то удивительная жажда света. Он любил, когда воспитательница читала вслух книгу. Любил, когда по радио передавали песни. Любил подолгу стоять у окна и глядеть, как за окном идёт дождь, как качаются ветки, как улетают в небо птицы. Он тогда ещё не знал, что сам когда-нибудь поднимется в это небо. Но что-то в груди уже тогда тихонько звенело, отзываясь на всякую красоту.

Особенно он любил тихий час. Не потому, что можно было спать, а потому, что можно было мечтать. Лёжа под серым одеялом, он закрывал глаза и представлял себе, что он не в детском доме, а где-то далеко-далеко. Что за окном — не серый двор, а зелёные холмы. Что мать снова поёт колыбельную, а отец поднимает его к потолку. Он выдумывал себе другую жизнь — светлую, тёплую, безопасную. И от этих выдумок на душе становилось чуть легче.

Наверное, именно это и не дало ему зачерстветь. Среди казённых стен, среди серых одеял и общих мисок — в нём росло что-то своё, потаённое. Как цветок, который никто не сажал, но который всё равно пробился сквозь сухую землю.

Он не озлобился. Не стал жёстким, не научился отбирать и драться. В нём не было той детдомовской лихости, которая ломает судьбы. Вместо неё была тихая внутренняя сила — как стержень, который гнётся, но не ломается. И ещё — необъяснимая, почти молитвенная любовь к жизни, к её простым чудесам: к свету в окне, к запаху свежего хлеба, к звуку дождя по подоконнику.

Он рано понял, что никто не придёт и не спасёт. Что рассчитывать можно только на себя. Но именно это понимание не сломало его, а сделало внимательным. Он научился видеть людей. Различать, кто добр, кто зол, кто пуст. Научился благодарить за малое. Научился ждать.

И ждать он умел так, как умеют только дети, пережившие беду, — терпеливо, без жалоб, с тихой верой, что рано или

поздно что-нибудь изменится.

Глава 3. Сельская школа

Школа стояла на краю села, куда Витю направили из детского дома, когда пришла пора учиться. Это было одноэтажное деревянное здание с высоким крыльцом, выкрашенным в блёклый зелёный цвет. Над входом висела вывеска с облупившимися буквами, которые складывались в простое слово: «Школа». И для Вити это слово впервые в жизни прозвучало как обещание.

Он пришёл туда в начале осени. Дни стояли тёплые, но по утрам уже пахло инеем. Воздух был прозрачным, как вода в колодце. Пахло прелой листвой, дымом из печных труб, мокрым деревом. Небо — высокое, по-осеннему чистое, будто вымытое холодной водой до звона. Мальчик стоял у крыльца, сжимая в руке старую дерматиновую сумку, и не решался войти.

Он боялся. Боялся чужих детей, чужих учителей, чужих правил. Боялся, что снова окажется лишним, как, бывало, уже не раз. Но отступать было некуда. Позади — детдомовская казённщина, общие спальни, серые одеяла. Впереди — неизвестность. И он сделал шаг.

В классе пахло чернилами, мелом и старыми картами, висевшими на стенах. Парты стояли ровными рядами, исцарапанные чьими-то именами и сердечками. Учительница, Мария Николаевна, была женщиной немолодой, с мягким лицом и тёмными глазами, в которых читались усталость и доб-

рота одновременно. Она встретила его спокойно, усадила за третью парту у окна, и с этого дня Витя полюбил школу.

Поначалу он почти не разговаривал. Сидел тихо, как мышонок, смотрел в тетрадь, старался быть незаметным. Но слушал. Жадно, всем существом, как слушают после долгой жажды. Каждое слово учительницы падало в него, как зерно в рыхлую землю. Он впитывал всё: буквы, цифры, стихи, названия далёких стран, имена великих людей. И мир, который ещё вчера был маленьким и серым, вдруг начал расширяться.

Оказалось, что есть на свете города, в которых он никогда не был. Есть моря, которых он не видел. Есть звёзды, которые светят даже тогда, когда их не видно за тучами. Всё это было в книгах, и книги стали для него окнами.

Библиотека в школе была крошечная — один шкаф с облезшими корешками. Но Вите она казалась сокровищницей. Он брал по одной книге, читал под одеялом при свете коптилки, бережно перелистывал страницы. Стихи учил наизусть. Самые любимые повторял шёпотом, как молитву, — в них была музыка, которой ему так не хватало.

Особенно он любил стихи про небо. Про птиц. Про то, как человек мечтает взлететь, оторваться от земли, подняться выше облаков. Он не понимал ещё, почему его тянет к этим образам, но каждый раз, когда звучали слова о крыльях, в груди что-то вздрагивало, как натянутая струна.

Учился он хорошо. Не потому, что был способнее других,

а потому, что относился к учёбе как к спасению. Для него это был не просто набор оценок, а возможность вырваться. Из бедности, из одиночества, из серости. Он рано понял, что знания — это единственное, что никто не сможет отнять. И поэтому вгрызался в каждую тему, как в кусок хлеба, который может стать последним.

Однажды на уроке чтения Мария Николаевна попросила всех по очереди прочитать вслух отрывок. Когда дошла очередь до Вити, он встал, чувствуя, как горло перехватывает. Взгляды одноклассников — любопытные, насмешливые, равнодушные — давили со всех сторон. Он прочитал сбивчиво, тихо, путаясь в словах. Кто-то хихикнул. Витя сел на место, чувствуя, как горят уши, и поклялся себе больше никогда не выходить к доске.

Но учительница не ругала его. После урока она подошла, положила руку на плечо и сказала тихо:

— У тебя хороший голос, Витя. Только ты его боишься. А зря.

Он поднял глаза. В её лице не было ни насмешки, ни жалости. Только тёплая строгость, как у матерей, которые хотят вырастить из своих детей людей.

С того дня Мария Николаевна стала для него чем-то большим, чем просто учительницей. Он ждал её уроков, как ждут писем от близких. Она умела рассказывать так, что даже самая скучная тема оживала. Она любила литературу и умела заражать этой любовью других. И Витя однажды поймал се-

бя на том, что уже не просто учит стихи, а чувствует их. Что слова начинают жить у него внутри.

В классе он по-прежнему держался в стороне. Но постепенно, очень медленно, начал приоткрываться. Сначала — в письменных работах. Писал он так, как не мог сказать вслух: ярко, образно, с чувством. Мария Николаевна ставила ему пятёрки и иногда зачитывала его сочинения перед классом. Витя сгорал от стыда, но в глубине души ликовал. Его слова слышали. Его мысли имели значение.

Друзей у него было немного. Один — тихий, как и он сам, мальчик по имени Миша, с вечно растрёпанными волосами и добрыми глазами. Они сдружились незаметно, без слов, — просто однажды сели за одну парту и больше не расставались. Вместе ходили в школу, вместе возвращались, вместе делали уроки на подоконнике в коридоре. Миша был из простой семьи, но тоже мечтал о чём-то большом. О чём именно — сказать не мог, но глаза у него горели.

По вечерам они иногда сидели на крыльце школы и смотрели на звёзды. Говорили о том, что будет после школы, о городах, о дальних дорогах. Витя признался однажды, что мечтает стать артистом. Миша не засмеялся, а уважительно кивнул и сказал:

— У тебя получится. Ты внутри другой.

Витя запомнил эти слова.

Детство его не было богатым на радости, но в нём были моменты тихого счастья. Запах свежеиспечённого хлеба, ко-

торый однажды дала ему соседка, увидев, что он голоден. Первый снег, падающий крупными хлопьями на плечи. Книга, прочитанная до утра. Доброе слово учительницы. Эти крошечные островки света помогали ему плыть дальше.

Стеснительность не отпускала. Она по-прежнему сковывала язык, заставляла краснеть, прятать глаза. Но в то же время она делала его наблюдательным. Он замечал то, чего не видели другие: как дрожит луч света на стене, как пахнет мокрое дерево, как меняется лицо человека, когда он говорит правду. Всё это копилось в нём, как вода в колодце, и ждало своего часа.

Перед выпуском, когда нужно было выбирать дорогу, Витя долго не раздумывал. Он решил ехать в город и попробовать поступить в театральное училище. Решение это было пугающим и радостным одновременно. Он втайне представлял, как выйдет на сцену, как зал замрёт, как зазвучат аплодисменты. И в этих мечтах он был другим — смелым, громким, свободным.

Он ещё не знал, что на вступительном экзамене всё пойдёт не так.

Но это уже следующая глава.

Глава 4. Театральное училище. Экзамен

Город встретил его шумом.

После тихой сельской жизни, после детдомовских коридоров и школьной библиотеки этот звук был почти оглушительным. Трамваи лязгали на поворотах, машины гудели,

люди разговаривали громко, смеялись, торопились. И над всем этим — огромное небо, разрезанное проводами, трубами, крышами.

Витя шёл по улице и чувствовал, как сердце бьётся где-то у горла. Он был здесь чужим. Деревенский мальчик в выцветшей рубашке, с дешёвым чемоданчиком в руке, среди каменных домов и витрин, в которых отражалась его собственная растерянная фигура. Он казался себе маленьким, как муравей, случайно попавший в чужую, слишком сложную жизнь.

Но отступать было некуда.

Театральное училище находилось в старом здании с высокими окнами и облупленными колоннами. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то неуловимо праздничным — духами, пудрой, может быть, страхом. Витя вошёл и сразу услышал гул голосов. Абитуриенты, как стайки взволнованных птиц, сидели вдоль стен, повторяли басни, жестикулировали, встряхивали руками, разминали лица. Все они казались такими яркими, такими уверенными, такими… другими.

Он сел на свободный стул в углу и сжал в руках листок с басней. Стрекоза и Муравей. Простые, знакомые с детства строки. Он знал их наизусть. Ещё в школе, стоя перед зеркалом в тускло освещённом умывальнике, он репетировал эту басню, стараясь вложить в неё всё, что у него было. Ему казалось, что он готов.

Но теперь, глядя на этих ярких, громких, свободных ребят, он вдруг почувствовал, как уверенность уходит из него, как вода из ладоней.

Он просидел так целый час. Потом ещё один. В коридоре становилось то тише, то шумнее — вызывали, выходили, обсуждали. А Витя всё сидел, сжимая в пальцах листок, и не мог заставить себя подойти к двери.

Кто-то рядом с ним репетировал вслух. Высокий парень с вьющимися волосами, в светлой рубашке, с лицом человека, который никогда не сомневался в себе. Он читал ту же басню — легко, с юмором, с блеском. Вокруг него собрались слушатели. Смеялись, кивали. Витя смотрел и чувствовал, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Он не так. Он не может так. Все эти люди — птицы, а он — прижавшийся к земле воробей с подбитым крылом.

Прозвучала его фамилия.

— Якименко!

Он вздрогнул. Поднял глаза. Дверь в аудиторию была открыта. Там, за длинным столом, сидела комиссия. Спокойные взрослые люди, которые сейчас выслушают очередного мальчишку. Ему нужно было просто встать и войти.

Он не встал.

Секунды тянулись, как густая смола. Витя слышал, как кто-то повторил его фамилию, уже громче, с нетерпением. Слышал, как зашуршали голоса. Но тело будто налилось свинцом. Ноги не слушались. В горле встал ком.

— Якименко, вы здесь?

Он опустил глаза. Листок с басней дрожал в его руке. Стрекоза и Муравей. Такие простые, знакомые с детства строки. И такие далёкие сейчас.

— Нет его, наверное, — сказал кто-то из абитуриентов.

И Витя не поправил. Просто промолчал.

Через несколько минут вызвали следующего. Дверь закрылась. А Витя всё сидел, чувствуя, как внутри что-то медленно, беззвучно рушится.

Он не смог. Он даже не попробовал. Мечта, которую он так бережно нёс в себе, умерла на полу тёмного коридора, не дойдя до порога.

Потом он вышел на улицу. Осень кружила листья по асфальту. Ветер трепал верхушки деревьев. Город жил своей жизнью — шумной, чужой, равнодушной. Витя шёл, не разбирая дороги, и сжимал в кулаке смятый листок с басней.

Он не заплакал. Слёзы остались где-то внутри, запертые всё той же стеснительностью, которая не позволила ему даже всхлипнуть на людях.

Вечером он вернулся в общежитие, где ночевали такие же, как он, приехавшие из разных уголков. Лёг на кровать и уставился в потолок. В комнате было тихо. Только за стеной чей-то голос повторял монолог — с выражением, с жаром, с верой.

А Витя лежал и думал, что, наверное, всё кончено.

Он не знал тогда, что этот день станет не концом, а нача-

лом. Что где-то в том же городе уже висит объявление о наборе в лётное училище. И что скоро он пойдёт туда — не потому, что разлюбил театр, а потому, что жизнь предложила ему другую сцену.

Но пока он просто лежал в темноте и слушал, как за стеной кто-то смело читает монолог.

И этот звук был для него одновременно и болью, и утешением.

Глава 5. Отступление или поворот?

Он вернулся в общежитие затемно.

В комнате пахло чужими вещами и дешёвым табаком. Соседи ещё не спали — кто-то листал учебник, кто-то тихо разговаривал, кто-то смотрел в потолок и молчал. Витя прошёл к своей койке, лёг, отвернулся к стене. Ему не хотелось ни говорить, ни есть, ни думать. Но думалось само — помимо воли, как течёт вода по склону.

Перед глазами снова и снова вставал этот коридор. Свет из высоких окон. Голоса абитуриентов. Смех того парня, что читал басню легко и звонко, как поют птицы. И собственная несостоявшаяся попытка. Даже не попытка — тишина, в которой он так и не поднялся со стула.

Он не смог.

Это было не просто поражение. Это было предательство самого себя. Он готовился, мечтал, ехал за сотни километров — и всё для того, чтобы молча просидеть в коридоре, пока его фамилия дважды прозвучала в воздухе и растворилась

без ответа.

Ему было стыдно. Так стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать невидимым. Он думал о Марии Николаевне, которая верила в него. О Мишке, который говорил: «У тебя получится». О всех тех, кто видел в нём что-то большее, чем он сам.

Он не оправдал ничьих надежд. И своих — в первую очередь.

Ночью он не спал. Лежал с открытыми глазами и слушал, как за стеной кто-то ворочается, как скрипят пружины, как тихо кашляет сосед. За окном гудел город — не так, как гудит лес или поле, а ровно, монотонно, равнодушно. Этот гул не убаюкивал. Он, наоборот, не давал провалиться в забытьё.

К утру Витя принял решение: уехать. Вернуться обратно. Но куда? В детский дом дороги не было — там его уже никто не ждал. В село, к школе? Но с чем? С позором, с пустыми руками, с несбывшейся мечтой?

Он лежал и представлял, как поедет обратно в душном поезде, как будет смотреть в окно на проплывающие поля, и каждое из них будет напоминать о том, что он сдался.

Но была в нём и другая мысль — тихая, упрямая, как подземный ручей. Она пробивалась сквозь отчаяние и шептала: не всё кончено. Ещё не всё. Может быть, не туда шёл. Может быть, не то искал.

Он вспомнил, как в детстве смотрел на самолёты. Они появлялись в небе редко, но каждый раз Витя замирал и про-

вожал их взглядом, пока белый след не растворялся в синеве. В этом было что-то необъяснимо притягательное. Небо не требовало слов. Оно не спрашивало, смелый ты или нет. Оно просто было — огромное, чистое, свободное.

В те годы о лётчиках говорили с особым уважением. Это была профессия, о которой мечтали мальчишки по всему Союзу. Военный лётчик — это звучало гордо, по-настоящему. Это была надёжность, дисциплина, честь. Это открывало дорогу в жизнь, давало твёрдую почву под ногами и небо над головой. В лётные училища стремились попасть лучшие. Те, кто хотел не просто профессию, а судьбу.

Именно это и нужно было Вите.

Он вспомнил, как ребята в школе шёпотом говорили о тех, кто поступил в военные училища. О них отзывались как о людях, у которых уже всё решено. Форма, курсантские погоны, увольнительные, офицерское будущее. Не надо было думать, где жить, как зарабатывать, что будет завтра. Всё было ясно и по-взрослому серьёзно. Для сироты, для человека, у которого никого не было, это был не просто путь — это было спасение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.